

УДК 7.01

DOI: 10.34670/AR.2026.77.62.006

Трансформация эстетического созерцания природы в европейской культуре: от бескорыстного созерцания к оптике экологического кризиса

Добронравов Кирилл Олегович

Кандидат философских наук,
доцент кафедры театрального
искусства и социокультурных процессов,
Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского,
644077, Российская Федерация, Омск, пр. Мира, 55а;
e-mail: Dobronravov@mail.ru

Аннотация

Объектом исследования выступает эстетическое созерцание природного ландшафта как форма отношения человека к миру. Предмет исследования — трансформация созерцания в западноевропейской культурной традиции и его роль в процессах самоидентификации субъекта, рассматриваемые в контексте современного экологического кризиса. В статье прослеживается эволюция эстетического отношения к природе от мифологического «вписывания» в космос и средневекового символического удвоения через новоевропейское субъект-объектное противопоставление к романтическому культу стихийной природы и эстетизму. Особое внимание уделяется аналитике прекрасного и возвышенного в эстетике И. Канта, где «бескорыстное созерцание» впервые получает статус антропологической стратегии утверждения свободы субъекта перед лицом природной необходимости. Автор рассматривает влияние механицизма и пантеизма на формирование парковых ландшафтов, а также критику «бескорыстного созерцания» в работах Ф. Ницше и эстетизме О. Уайльда. Основным выводом исследования заключается в том, что в условиях экологического кризиса происходит радикальная трансформация оптики восприятия природы: эстетическое созерцание утрачивает свой «бескорыстный» (кантовский) характер, возвращаясь к архаической модели, детерминированной необходимостью выживания. Автор обосновывает, что современный экологический кризис имеет не только хозяйственно-экономическую, но и эстетико-антропологическую природу: утрата способности к бескорыстному созерцанию природы коррелирует с утратой этической ответственности за нее. Диалектика субъект-объектных отношений, составлявшая ядро эстетического субъекта в философии Канта, сегодня переживает глубокий кризис: природа становится индикатором антропогенной катастрофы, что вводит в эстетический опыт элемент «скорби» и делает «чистое» созерцание либо наивным, либо невозможным. Преодоление кризиса автор связывает не с отказом от эстетического отношения, а с возможностью восстановления кантовского модуса «свободной целесообразности» в новых экзистенциальных условиях.

Для цитирования в научных исследованиях

Добронравов К.О. Трансформация эстетического созерцания природы в европейской культуре: от бескорыстного созерцания к оптике экологического кризиса // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2026. Том 15. № 2А. С. 370-379. DOI: 10.34670/AR.2026.77.62.006

Ключевые слова

Природа, созерцание, эстетика природы, пейзаж, европейская культура, философия искусства, возвышенное, экологический кризис, спасение, выживание.

Введение

Современная эпоха экологического кризиса ставит перед человечеством вопросы, которые еще полвека назад казались абстрактными или относящимися к далекому будущему: какова цена технического прогресса, каким должно быть отношение человека к природе и возможно ли возвращение к утраченной гармонии? В публичном дискурсе все чаще звучат призывы к «спасению природы», а экологическая этика претендует на роль новой мировоззренческой парадигмы. Однако за этими призывами часто скрывается не столько осмысленная философская позиция, сколько интуитивная тревога перед лицом антропогенной катастрофы. Чтобы понять истоки этой тревоги и оценить глубину происходящего сдвига в мировосприятии, необходимо обратиться к истории эстетического отношения человека к природе. Именно в эстетическом созерцании, как показывает европейская философская традиция, формировались те модели самоидентификации субъекта, которые сегодня подвергаются радикальному пересмотру.

За последние несколько столетий в европейской культуре произошла значительная трансформация эстетического созерцания природы: от классической кантовской модели «бескорыстного созерцания» — свободного от познавательного и утилитарного интереса — до принципиально иной оптики экологического кризиса, в которой созерцание оказывается пронизанным знанием о конечности и хрупкости окружающего мира.

Изображение природы является одной из основных тем в искусстве, что особенно проявляется в пейзажной живописи, романтической поэзии и художественной прозе. Предположим, что человека учат наслаждаться природой. Классические произведения, воспевающие природную красоту, входят в значимый пласт культуры, благодаря которому осуществляется самоидентификация субъекта культуры на национальном и региональном уровне. Созерцание природы становится универсальным основанием для распознавания значимых эстетических образов для каждого человека и для культуры в целом. Красота природного пейзажа вдохновляет не только художников и поэтов, она влияет на мировосприятие человека. Речь идет не о прямой детерминации, а о впечатлениях, которые уходят глубоко в сознание и становятся неотъемлемой его частью.

Можно говорить о глобальной самоидентификации человека как активного субъекта, подчиняющего силы природы, или пассивного объекта, ему подчиняющегося. Исследуя подробнее эстетический контекст непосредственного отношения к природе (созерцание природной красоты) в истории философии, мы сможем по-новому осмыслить сложное, антонимичное отношение между природой и человеком, лежащее в основе западной культуры и, как его следствие, современного экологического кризиса.

Целью статьи является выявление трансформации эстетического созерцания природы как механизма самоидентификации субъекта в европейской культуре и определение причины утраты «бескорыстного» (кантовского) характера созерцания природы в контексте современного экологического кризиса.

Методология

В основе работы лежат компаративистский и историко-философский методы, позволяющие выявить трансформацию эстетического субъекта в контексте смены эпистемологических парадигм (миф, христианство, Новое время, романтизм). Для анализа структуры созерцания применяется феноменологическая оптика, акцентирующая различие между «созерцанием-дистанцированием» (как актом свободы) и «созерцанием-ускользанием» (как формой пассивности). Герменевтический подход используется для интерпретации культурных кодов, заложенных в пейзажной живописи, парковом искусстве и философских текстах, что позволяет реконструировать исторические типы отношения человека к природе. Под «механизмом самоидентификации» в данном исследовании понимается способ конституирования субъекта через тип его эстетического отношения к природе, в котором фиксируется доминирующая форма связи между человеком и миром — от пассивного вписывания в природный космос до активного субъект-объектного противопоставления и, далее, до тревожного созерцания в условиях экологического кризиса.

Основная часть

Самоидентификация субъекта в истории культуры: от мифа к Новому времени

В западном обществе можно выделить несколько ступеней в развитии отношений человека к природе. Для мифологического сознания свойственно подчинение силам природы, их персонализация в виде языческих богов, благоговение и трепет перед мощью природы как Другого в жизни человека. Природа на данном этапе представляется человеку как сила, от действий которой зависит жизнь каждого человека и всего общества. В качестве примирения с угрожающими силами природы человек использовал различные практики жертвоприношений, чтобы оказаться вписанным в природный мир. Отношение к природе как к живому, одушевленному существу свойственно мифологической картине мира, в которой природа могла восприниматься и как соперник: приказ Ксеркса высечь море за неповиновение хорошо иллюстрирует это.

С приходом христианства человеческая жизнь провозглашается главной ценностью, а от действий человека теперь зависит спасение всего тварного мира. Адам сначала дал животным имена до грехопадения [Библия, 2007, Быт. 2:20], а после грехопадения за него была проклята вся земля [Библия, 2007, Быт. 3:17].

В книге Бытия природа может выступать как дар или как кара, посланная Богом человеку. Это относится не только к природе как к источнику, необходимому для выживания человека, но и как к эстетическому и гносеологическому объекту: «И увидела жена, что древо хорошо для пищи и что оно приятно для глаз и вожделенно, потому что дает знание...» [Библия, 2007, Быт. 2, 3:6]. Такое двойственное отношение к природе сохраняется и в средневековой эстетике, в которой «природа обладает особыми качествами. Средневековый человек довольно быстро превращал чувство прекрасного в ощущение причастности божественному или в обыкновенную

радость жизни» [Эко, 2003, с. 24]. Религия красоты не отличалась от религии жизни в отличие от эпохи романтизма. «Человек средневековья жил в семиотически насыщенном мире, полном смысловых отсылок и высших смыслов проявлений Бога в вещах; он жил в природе, которая постоянно говорила на языке геральдики» [Эко, 2003, с. 73]. Происходило своеобразное удвоение природы, символическое преломление, которое обеспечивало восприятие природы как целостности и усиливало эстетическое переживание, что, вероятно, стало одной из причин взлета искусства в эпоху Возрождения.

Однако это продлилось недолго, так как наступил настоящий переворот в отношениях человека к природе, который подготовил Ренессанс, объявив победу линейной перспективы и светской живописи над религиозным искусством и обратной перспективой.

Таким образом, в европейской культуре эстетическое созерцание природы выполняло функцию самоидентификации субъекта, однако характер этой идентификации исторически менялся: от пассивного вписывания в мифологический космос и символического удвоения в христианской культуре — к активному субъект-объектному противопоставлению в Новое время.

В эту эпоху торжество антропоцентризма и рационализма превратило человека в субъект отношений с природой. Природа становится объектом, испытывающим на себе его силу и мощь, и благодаря научному познанию происходит постепенное развенчание таинственных сил, которые держали в страхе человечество долгое время. Более того, он начинает использовать силы природы в своих целях, вскрывая их механизмы, открывая природные законы, ранее недоступные взгляду человека. Природа мыслится в соответствии с оптикой, которая диктуется главенствующей наукой того времени – механикой. Эта оптика больше не видит в природе таинственного мира, проявления божественного; она смотрит на него с позиции человека, она соразмерна ему, и эта соразмерность отражена в живописи, литературе и философии того времени. Как отмечают В. С. Стёпин и Л. Ф. Кузнецова, формирование научной картины мира в техногенной цивилизации закрепило представление о природе как о безличном поле приложения человеческих сил, что подготовило почву для последующего экологического противостояния [Стёпин, 1994, с. 112-115]. [3, с. 112–115].

Феноменология эстетического созерцания в философии И. Канта

В этой связи встает вопрос: изменился ли характер созерцания природного пейзажа от одной эпохи к другой, или созерцание природного пейзажа есть естественное состояние человека, не подверженное культурной деформации? Возможно ли чистое, бескорыстное и свободное созерцание природы?

Один из первых мыслителей, который задался осмыслением эстетического опыта в немецкой классической философии, был И. Кант. В рассуждениях о природе эстетического суждения Кант исследует непосредственное восприятие природы. Кант считал, что красота есть суждение вкуса, которое претендует на общезначимость, но остается субъективным. Мы судим о природе, как если бы качества, которые мы ей приписываем, в действительности ей принадлежали. В модусе «как если бы» написана вся «Критика способности суждения» И. Канта. Человек судит о природе, как если бы она имела в себе цель, поскольку ее целесообразность очевидна. Он судит о ней, как если бы она обладала красотой.

Кант считал, что чистое суждение вкуса может быть высказано лишь на основании благорасположения, свободного от интереса и желания по отношению к объекту. Красота у него связана с чувством прекрасного и возвышенного. Прекрасное есть то, что нравится без посредства понятия, само по себе, как цель, а не как средство, целесообразность без цели.

Суждение о прекрасном есть лишь суждение о форме, не достигающей нравственной идеи, в то время как суждение о возвышенном предполагает достижение нравственной идеи. В аналитике возвышенного И. Кант пишет о том, что природа представляет некую величину и силу, превосходящую человека настолько, что сам факт возможной борьбы с природной стихией побуждает в человеке чувство подавленности и даже ужаса. Однако в момент созерцания природной мощи со стороны, то есть в тот самый момент, когда человеку эта мощь не угрожает, он способен испытать чувство восторга природой.

Согласно Канту, если прекрасное лишь устремляется к нравственным идеалам, то возвышенное достигает их, утверждая неотмирность человека. Ибо человек, подчиненный царству необходимости, не способен противопоставить ничего, что могло бы преодолеть природную мощь. Однако на основании того, что человек принадлежит еще и царству свободы, он способен преодолеть это подчиненное природе состояние и благодаря своему разуму возвыситься над природной стихией, осознав в себе источник силы, преодолевающий ее. «Соединяя волнение души со спокойным состоянием (священный трепет с безопасным созерцанием красоты), человек становится выше природы внутри себя самого и вне себя, так как она может влиять на нас» [Кант, 1966, с. 279].

Таким образом, представления о природе как о главенствующем субъекте, которому подчинен человек, преодолеваются не только за счет познания природы, но и за счет возможности безопасного, бездеятельного, эстетического созерцания не только мощи, но и красоты, которая не присуща природе самой по себе. Именно благодаря эстетическому чувству и связанному с ним религиозному чувству благодарности происходит идентификация человека как свободного субъекта, стоящего за пределами необходимости. Кантианская модель «бескорыстного» созерцания (целесообразность без цели) представляет собой не просто эстетическую теорию, но антропологическую стратегию, позволяющую субъекту утвердить свою принадлежность к «царству свободы» перед лицом природной необходимости. Важно подчеркнуть, что для Канта способность созерцания носит трансцендентальный характер: она задает априорные условия возможности эстетического суждения, делая само переживание красоты универсально значимым, хотя и субъективным по своей форме.

Можно предположить, что в теистической, а поскольку мы говорим о европейской культуре того времени, то христианской культуре, благодарность мы испытываем перед Богом, а в атеистической — перед некими разумными законами, которые устроили мир наилучшим образом, то есть целесообразно.

Однако следует обратить внимание, что и Бог может быть представлен по-разному в той или иной философской картине мира. К примеру, деизм предполагает механицизм природы, в котором Бог выступает лишь перводвигателем мирового механизма, а потому красота — это совершенство работы этого механизма без вмешательства Бога. Чудо свидетельствует о несовершенстве механизма, а потому или отрицается, или не обладает эстетической привлекательностью, или свидетельствует о несовершенстве наших представлений о природе, давая повод для новых исследований природы. Чем сложнее система знаний, тем менее охотно она признает чудо. Именно такой подход был впоследствии унаследован физикой.

Природа и искусство: трансформация созерцания в романтизме и эстетизме

Поскольку рациональность природы стала в какой-то мере образцом для развития не только механики и других наук, но и образцом для искусства, то, проявляя субъектность, человек стал активно преобразовывать и сам природный ландшафт, что особенно отразилось в создании парков того времени. Это были симметричные, геометрически выверенные парки, основным

приемом которых была перспектива, демонстрирующая красоту преобразования нерукотворных форм человеческим разумом.

Однако еще при жизни И. Канта, сначала в Англии, а затем и по всей Европе стал распространяться другой вид парков, о чем с досадой сообщает нам Х. Зедльмайр. Для него романтизм как направление, выражающее человеческую пассивность, стал началом кризиса западной культуры. Романтический парк создается человеком, но ничего не указывает на его вмешательство, кроме потрясающей живописности, которую можно принять за благорасположение природы.

Х. Зедльмайр подчеркивает особую значимость природных парков, связывая ее с влиянием пантеистического мировоззрения. Все действительное уже разумно, поскольку в нем растворен Бог (пантеизм). Активное отношение человека к природе перешло в пассивное подчинение и религиозную окраску слова «природа». «Совершенство природы заключено в идее, будь то сияние метафизической красоты или представление о райском протосостоянии мира, к которому мы стремимся вернуться. Задача искусства — восстановить природу в ее изначальном возвышенном состоянии, которое в некоторых местностях сохранилось и сегодня» [Зедльмайр, 2008, с. 43-44].

Природа становится сверхценностью, а подражание ей — высшим идеалом для искусства. Однако такое подражание обращено уже не к ее рациональности, а к ее стихийности, по сравнению с которой человек ничтожен.

Эстетизм появляется в противовес романтизму, утверждая мировоззрение, в котором основным источником оптики, через которую мы воспринимаем реальность, является искусство. Оно воспитывает нашу чувственность, настраивает взгляд культурного человека.

«Вещи существуют постольку, поскольку мы их видим, а что и как мы видим, зависит от повлиявших на нас искусств. ... Нечто начинает существовать тогда и только тогда, когда нам становится видна его красота. Сейчас люди видят туманы, но не потому, что туманы существуют, а потому, что поэты и художники научили их загадочной прелести подобных явлений. ... Туманов не существовало, пока их не изобрело искусство» [Уайлд, Упадок искусства лжи].

В одно время с Уайльдом Ницше пытается синтезировать оба подхода и заключает идеал человека в эстетический субъект, который находится по ту сторону добра и зла. Задача такого субъекта — всегда находиться вне происходящего, шагать по краю, созерцая мир как эстетическое явление, отстранившись от этических, метафизических и религиозных дилемм. В то же время Ф. Ницше утверждает: «Делать нечего: придется беспощадно призывать к ответу и поставить перед судом преданности, самоотверженности ради ближнего, всю мораль самоотречения — точно так же, как и эстетику "бескорыстного воззрения"» [Ницше, 2016, с. 46]. В другом переводе: «... всю мораль самоотречения нужно безжалостно привлечь к ответу и к суду — точно так же, как эстетику "бескорыстного созерцания"» [Ницше, www].

Доведенная до крайности идея эстетического субъекта, «бескорыстно созерцающего природу» лишь для получения наслаждения от природы как от возвышенной или прекрасной, принимает новый морально-этический контекст. В контексте экологического кризиса становится важно: существует ли этот предмет для переживания прекрасного или не существует. Природа больше не предмет бескорыстного эстетического переживания; она воспринимается как спаситель человечества еще со времен Ж.-Ж. Руссо, но сегодня, в эпоху экологического кризиса, в восприятии природы появляется новый мировоззренческий контекст.

Подводя итог историческому обзору, можно сказать, что в европейской культуре сложились

два полюса эстетического отношения к природе. Первый, представленный кантовской моделью «бескорыстного созерцания», утверждает свободу субъекта через отказ от любого интереса по отношению к объекту. Второй, восходящий к романтическому пантеизму и эстетизму, растворяет субъекта в стихийной мощи природы или, напротив, делает природу функцией художественного восприятия. Однако современный экологический кризис, как будет показано ниже, не наследует ни одну из этих моделей в чистом виде. Он порождает принципиально новую «оптику дефицита», в которой созерцание утрачивает свою бескорытность, но и не возвращается к романтическому слиянию, а обретает черты тревожного всматривания в исчезающее, что создает экономическую логику утраты в ранее казавшемся бесконечным ресурсом.

Экологический кризис как трансформация оптики созерцания

За последние 200 лет со времен жизни И. Канта наше созерцание природы перестало восприниматься как бескорыстное; оно получает новый экологический смысл, ранее недоступный человечеству. «Экологический кризис с угрозой конца света – спутник развитой технологии со всеми ее обещаниями изобилия, свободного времени и материальной стабильности» [Букчин, Экология и революционная мысль], что обуславливает появление современных религий, основной ценностью которых является не спасение человека, а выживание. Как отмечает А. Горц, в этих условиях «лучше меньше» становится главной максимой новой этики, где природа выступает уже не как предмет эстетического созерцания, а как ресурс, требующий аскетического ограничения [Горц, Экология и свобода]. Поведение человека в отношении к природе приобретает этический контекст, обусловленный выживанием, что скорее соответствует архаичным обществам и противостоит христианской традиции, продолженной И. Кантом, где эстетическое отношение является стратегией спасения в первую очередь человека, а также условием ответственного поведения в отношении природы.

В связи с этим, если в кантовской традиции эстетическое суждение было возможно именно благодаря отсутствию интереса (в том числе интереса познавательного и утилитарного), то в ситуации экологического кризиса природный ландшафт утрачивает статус объекта чистого созерцания. Он становится индикатором антропогенной катастрофы, что радикально меняет оптику восприятия. Созерцание ледника или тропического леса сегодня неизбежно сопровождается знанием о его исчезновении, что вводит в эстетический опыт элемент «скорби» или «тревоги», отсутствовавший в классических моделях. В этом смысле современное созерцание является посткантовским: оно возвращает интерес (в данном случае — онтологический интерес к сохранению объекта) в самое сердце эстетического переживания, делая «чистое» созерцание либо наивным, либо невозможным.

Современное экологическое сознание, вопреки распространенному мнению, не наследует напрямую романтический культ природы, а формирует новый тип созерцания, детерминированный «оптикой дефицита», что приводит к редукции эстетического отношения к утилитарной стратегии выживания. Сегодня человек воспринимает природу отстраненно; благодаря техническому прогрессу и полету Ю. Гагарина у него появляется внеположенная Земле точка зрения – космос, что также влияет на осмысление природы и, как следствие, себя. Однако в отличие от античного понимания космоса как упорядоченной, гармоничной целостности, современное значение этого термина (внеземное пространство) порождает новую дистанцию, которая ставит под угрозу необходимость ответственного поведения, так как Земля больше не воспринимается как родной дом (*oikos*). В связи с этим можно говорить о том, что на сегодняшний день утрата «бескорыстного» характера созерцания в эпоху экологического

кризиса свидетельствует не о прогрессе экологической этики, а о возвращении к докантовской модели подчиненности человека природной необходимости, но уже опосредованной технологическим фактором.

Заключение

Таким образом, проведенный анализ позволяет вернуться к исходной оппозиции, заложенной в логике исследования. Движение от «бескорыстного созерцания» к «оптике экологического кризиса» оказывается не просто сменой эстетических установок, но фундаментальной трансформацией способа самоидентификации субъекта. Если кантовская модель утверждала человека в его свободе перед лицом природной необходимости, то современная оптика, напротив, фиксирует возвращение зависимости, хотя и в новой — технологической и этической — форме.

Эволюция восприятия природы европейским субъектом демонстрирует циклическую, а не линейную динамику. От пассивного вписывания в мифологический космос и символического удвоения реальности в Средневековье культура перешла к активному субъект-объектному противопоставлению в Новое время, где природа стала объектом приложения рациональных сил человека. Кантовская модель «бескорыстного» созерцания стала вершиной этого пути, предложив механизм утверждения свободы субъекта через отказ от любого интереса по отношению к объекту.

Однако романтический культ стихийной природы и последующий эстетизм постепенно размыли эту модель, а современный экологический кризис привел к ее радикальной трансформации. Сегодня эстетическое созерцание природы утратило свою «бескорытность», обретя черты тревожного созерцания исчезающего. Причина утраты бескорыстного характера созерцания кроется в том, что экологический кризис неизбежно вводит в эстетическое переживание знание о конечности объекта, возвращая интерес (познавательный, этический, онтологический) в самое сердце созерцания, что делает «чистое» отношение невозможным. Это возвращает субъекта в ситуацию зависимости от природной необходимости, но уже не в мифологической, а в технологической и этической форме. Диалектика свободы и необходимости, составлявшая ядро эстетического субъекта в философии Канта, сегодня переживает глубокий кризис, требующий новых стратегий осмысления и самоидентификации человека перед лицом природы.

Библиография

1. Библия. Барнаул: День, 2007. 1159 с.
2. Букчин М. Экология и революционная мысль. URL: <https://ru.anarchistlibraries.net/library/myurrej-bukchin-ekologiya-i-revolucionnaya-mysl>.
3. Горц А. Экология и свобода. URL: <https://ru.anarchistlibraries.net/library/andre-gorc-ekologiya-i-svoboda>.
4. Зедльмайр Х. Утрата середины. М.: Прогресс-традиция; Издательский дом «Территория будущего», 2008. 640 с.
5. Кант И. Критика способности суждения. М.: Мысль, 1966. 558 с.
6. Ницше Ф. По ту сторону добра и зла. Прелюдия к философии будущего. СПб.: Азбука; Азбука-Атикус, 2016. 263 с.
7. Ницше Ф. По ту сторону добра и зла. URL: http://www.lib.ru/NICSHE/dobro_i_zlo.txt.
8. Степин В.С., Кузнецова Л.Ф. Научная картина мира в культуре техногенной цивилизации. М.: ИФ РАН, 1994. 274 с.
9. Уайльд О. Упадок искусства лжи. URL: http://lib.ru/WILDE/esse_upadok.txt.
10. Эко У. Искусство и красота в средневековой эстетике. СПб.: Алетея, 2003. 256 с.

Transformation of the Aesthetic Contemplation of Nature in European Culture: From Disinterested Contemplation to the Optics of the Ecological Crisis

Kirill O. Dobronravov

PhD in Philosophy,
Associate Professor of the Department of Theatrical Art and Sociocultural Processes,
Dostoevsky Omsk State University,
644077, 55a, Mira Ave., Omsk, Russian Federation;
e-mail: Dobronravov@mail.ru

Abstract

The object of the research is the aesthetic contemplation of the natural landscape as a form of human relation to the world. The subject of the research is the transformation of contemplation in the Western European cultural tradition and its role in the processes of the subject's self-identification, considered in the context of the modern ecological crisis. The article traces the evolution of the aesthetic attitude towards nature from mythological "inscribing" into the cosmos and medieval symbolic doubling, through the Modern European subject-object opposition, to the Romantic cult of elemental nature and aestheticism. Particular attention is paid to the analytics of the beautiful and the sublime in the aesthetics of I. Kant, where "disinterested contemplation" for the first time acquires the status of an anthropological strategy for asserting the subject's freedom in the face of natural necessity. The author examines the influence of mechanism and pantheism on the formation of park landscapes, as well as the critique of "disinterested contemplation" in the works of F. Nietzsche and the aestheticism of O. Wilde. The main conclusion of the study is that, under the conditions of the ecological crisis, a radical transformation of the optics of nature perception is taking place: aesthetic contemplation loses its "disinterested" (Kantian) character, returning to an archaic model determined by the necessity of survival. The author substantiates that the modern ecological crisis has not only an economic-managerial, but also an aesthetic-anthropological nature: the loss of the ability for disinterested contemplation of nature correlates with the loss of ethical responsibility for it. The dialectic of subject-object relations, which constituted the core of the aesthetic subject in Kant's philosophy, is today experiencing a deep crisis: nature becomes an indicator of anthropogenic catastrophe, which introduces an element of "grief" into aesthetic experience and makes "pure" contemplation either naive or impossible. The author connects overcoming the crisis not with the rejection of the aesthetic attitude, but with the possibility of restoring the Kantian mode of "free purposiveness" in new existential conditions.

For citation

Dobronravov K.O. (2026) Transformatsiya esteticheskogo sozertsaniya prirody v evropeyskoy kul'ture: ot beskorystnogo sozertsaniya k optike ekologicheskogo krizisa [Transformation of the Aesthetic Contemplation of Nature in European Culture: From Disinterested Contemplation to the Optics of the Ecological Crisis]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 15 (2A), pp. 370-379. DOI: 10.34670/AR.2026.77.62.006

Keywords

Nature, contemplation, aesthetics of nature, landscape, European culture, philosophy of art, the sublime, ecological crisis, salvation, survival.

References

1. Bibliya. (2007). *The Bible*. Den.
2. Bukchin, M. (n.d.). *Ekologiya i revolyutsionnaya mysl* [Ecology and revolutionary thought]. <https://ru.anarchistlibraries.net/library/myurrej-bukchin-ekologiya-i-revolucionnaya-mysl>
3. Eco, U. (2003). *Iskusstvo i krasota v srednevekovoy estetike* [Art and beauty in medieval aesthetics]. Aleteya.
4. Gorz, A. (n.d.). *Ekologiya i svoboda* [Ecology and freedom]. <https://ru.anarchistlibraries.net/library/andre-gorc-ekologiya-i-svoboda>
5. Kant, I. (1966). *Kritika sposobnosti suzhdeniya* [Critique of judgment]. Mysl.
6. Nietzsche, F. (1886). *Po tu storonu dobra i zla* [Beyond good and evil]. http://www.lib.ru/NICSHE/dobro_i_zlo.txt
7. Nietzsche, F. (2016). *Po tu storonu dobra i zla. Preludiya k filosofii budushchego* [Beyond good and evil: Prelude to a philosophy of the future]. Azbuka; Azbuka-Attikus.
8. Sedlmayr, H. (2008). *Utrata serediny* [The lost centre]. Progress-traditsiya; Territoriya budushchego.
9. Stepin, V. S., & Kuznetsova, L. F. (1994). *Nauchnaya kartina mira v kulture tekhnogennoy tsivilizatsii* [Scientific worldview in the culture of technogenic civilization]. IF RAN.
10. Wilde, O. (1891). *Upadok iskusstva lzhi* [The decay of lying]. http://lib.ru/WILDE/esse_upadok.txt